

ЭТНОНИМЫ И НЕСЛАВЯНСКИЕ АНТРОПОНИМЫ БЕРЕСТЯНЫХ ГРАМОТ

К л ю ч е в ы е с л о в а: древнерусские берестяные грамоты, прибалтийско-финские языки, антропонимия, этнонимия, этимология.

В статье проведен историко-лингвистический анализ ряда неславянских этнонимов и антропонимов, засвидетельствованных в берестяных грамотах Новгорода, Пскова и Старой Руссы. Автор приводит новые комментарии к уже существующим этимологиям и предлагает собственные этимологические решения для 31 имени. На этой основе в статье делается заключение о том, что этнонимы и антропонимы берестяных грамот в подавляющем большинстве случаев указывают на прибалтийско-финское и саамское население и лишь в отдельных случаях — на балтийское и германское.

Изучение неславянских (в основном — прибалтийско-финских) антропонимов и этнонимов берестяных грамот (БГ) имеет уже сравнительно давнюю историю и богатые традиции. Первый обзор соответствующих работ был сделан Е. А. Хелимским (опубликован в 1986 г., воспроизведен в монографии [Хелимский, 2000]). Вкупе с новыми данными мы рассматривали этот вопрос в работе [Шилов, 2005]. Вернуться же к нему нас побудили как некоторые вновь возникшие соображения, так и ряд новых публикаций, в первую очередь [Saarikivi, 2007].

Этнонимы и этнонимические личные именованья¹

Вежники (№ 550, 664, 1160–1180 гг.) и **шестники** (№ 161, 1410–1420 гг.). Эти два именованья, на первый взгляд, казалось бы, не несущие этнической окраски, объединены на следующих основаниях. Е. А. Хелимский, развивая идею В. Л. Янина, убедительно показал, что под *вежниками* и *шестниками* должны пониматься группы северных кочевников, живущих в переносных жилищах-вежах (их основными конструктивными элементами являются перевозимые на санях шесты) [Хелимский, 2000, 334–337]. На наш взгляд, в грамотах № 550, 664 и 161 имеются в виду саамы (об их проживании в вежах неоднократно говорится в русских документах), но не оседлые карелы, как допускал А. А. Зализняк [ДНД, 271]), или территориально далекие ненцы². Аналогичное именованье этноса (по характерной бытовой детали) мы видим в холмогорских записях Р. Джемса (1619 г.), который пользовался информацией, полученной от местных жителей: *whith ragatine* (рогатиной) *camusnicks kill bares and other beasts; leasnic* (лесник), *camushnic* — *man that kill beares and lossches* (лосей) *and all wilde beastes to which end they goe in the wilde woods* [Ларин, 2002, 237, 281]. Под *камусниками* в этой записи, конечно, подразумеваются охотники-аборигены: коми или ненцы, носящие *камусы* — обувь из оленьих шкур. Ср. и пренебрежительное название башкирца — *кумысник* — у Мамина-Сибиряка [ССРЛЯ, 5, 1838], а также такие именованья «инородцев», как *саманник*, *тулупник*, *улусник*, *чувячник* и др. Вероятно, подобным образом, по характерному внешнему признаку, названы и *колбяги* (см. ниже).

Водин (№ 343, 1280–1300 гг.). В этой грамоте назван *Прокия Водиничь*. Комментаторы [НГБ, X, 102] абсолютно справедливо, на наш взгляд, отмечают, что отчество *Водиничь* указывает на этноним *водин* ‘вожанин’, форма которого неизвестна в источниках иных типов. Ср. другие подобные именованья на *-ин* в БГ (*корелин*, *либин*, *литвин*, *лопин*, *немчин*), а также в летописях и иных документах (*емин*, *емлянин* — племя *емь*; *фрязин* — мн. *фрязе*, *фряги*; *ясин*, *ясыня* — народ *ясы*; *отин* — при более частом *отяк*, *вотяк*; *неревин* — племя *нерева*; *русин* и др.). Берестяные грамоты наглядно демонстрируют раннюю и, видимо, первичную модель образования такого рода этнонимов.

¹ Здесь рассматриваются только те этнонимические именованья БГ, относительно которых появились новые соображения и замечания. Здесь и далее мы не указываем издание, если текст документа взят из [ДНД] (таких случаев подавляющее большинство). Датировка дается, как правило, по [НГБ, X]. Новгородские грамоты приводятся только под номером, старорусские и псковские — под номером и с пометами «Ст. Р.» и «Пск.».

² Можно предполагать, что *вежниками*, а позднее *шестниками* именовалась тогда «своя» лопь, проживающая на территории Новгородской метрополии или, по меньшей мере, обложенная регулярной данью — в отличие от *лопи*, «чужих» лопарей, подчиненных шведам.

Каянцы (№ 286, 1351 г.). В грамоте сначала говорится *послали к карелам на Каяно море* (Ботнический залив Балтийского моря), а затем названы *каянцы*. Таким образом, имеется в виду этническая группа Северо-Восточной Приботнии, которая сложилась из выходцев с территории древней Корелы (Северо-Западное Приладожье), смешавшихся, очевидно, с аборигенами края — саамами, выходцами из финской области Хяме (*Еми русских летописей*), и, возможно, скандинавскими поселенцами. В русских документах представители этой группы известны как *каяне*, *каянские немцы*; финны называют их *kainulaiset* (область — *Kainuu*), скандинавы (с IX в.) — *kvennar* (область — *Kvenland*). Об этимологии этнонима см. [Шилов, 2002б, 213]. О том, что *Каянская земля* входила в сферу новгородского влияния, недвусмысленно свидетельствует Ореховецкий договор 1323 г., а также летописные записи (см., например, под 1377 г. [НПЛ, 374]). Уже к концу XV в. эти земли приходилось «воевати» [ПСРЛ, 39, 170; 1496 г.], а по Тязвинскому миру 1595 г. они были официально потеряны Русью [подробнее см.: Шаскольский, 1997, 144–164].

Колбяги (№ 222, 1200–1220 гг.). До сих пор неясно, социальной или этнической группой являлись на Руси *колбяги*. Согласно М. Фасмеру, др.-рус. *кълбѣгъ* ‘варяг — член союза’, ср. греч. *κουλλιγγοι* ‘особые наемники’; из др.-сканд. *kylfingr* от *kylfa* ‘дубина’ [Фасмер, II, 287] (т. е. *колбяги* — нечто вроде ‘дубиноносцы’). В «Правде Русской», где колбяги упоминаются наряду с варягами, слово, скорее, несет этническую нагрузку. Не исключено, впрочем, что в тексте данной грамоты имеются в виду жители (чья этническая принадлежность неопределима) Климецкого в *Колбегах* погоста на р. Воложь — притока Сяси, хотя и в Псковской земле существовало селение *Колбежичи*.

Корела (№ 590, 1069 г.; № 286, 1351 г.; № 248, 1396 г.). В грамоте № 248 речь определенно идет о приладожской Кореле, в № 286 — о приботнийской группе карел, см. *каянцы*. Однако *Корела* грамоты № 590 — это, судя по историческим обстоятельствам, сопутствующим написанию грамоты, не «собственно» Карела, а Ижора³, входившая некогда в единый карельский этноязыковой массив [Шилов, 2008, 140]. Таким образом, первым упоминанием «настоящих» карел остается летописная статья 1143 г. [НПЛ, 23].

Литва (№ 590, 1069 г.). О трудности интерпретации этой *литвы* как населения исторической Литвы см. [Шилов, 2002а, 154–155]. Убедительна версия В. Л. Янина, согласно которой в данной грамоте *литвой* названы литовские наемники в войске Всеслава Полоцкого при его походе на Новгород в 1069 г. [Шилов, 2008, 139–140].

³ Поэтому иное, более реалистичное освещение получает запись под 879 г. в «Подробнейшей истории Государей Российских»: «умре Рюрикъ въ воинѣ в Корелѣ» [Мачинский, 2003, 168]. В этом случае опять-таки с очевидностью имеется в виду Ижорская земля.

Немьци (№ 44, 1360–1380 гг.), **Немчин** (№ 25, 1400–1410 гг.). В грамоте № 44 говорится *побегле в нѣмьцѣ*. Содержание и место написания грамоты (Северное Приладожье) свидетельствуют о том, что здесь имеются в виду шведы. Ср. в грамоте № 248: *приобижены с немецьскои половины*, т. е. из района Саволакса Шведской Карелии (разбор грамоты см. в [Шилов, 2002а, 152–154]). То, что *немчин* грамоты № 25 — этноним, а не личное имя, следует из ее контекста.

Таким образом, этнонимы и отэтнонимические личные именованья БГ достаточно полно отражают как этнический состав населения собственно новгородских земель, так и именованья ближайших соседей Новгородского государства. Нет среди них, что, на первый взгляд, удивительно, обозначения мерян, которым русские летописи (но не НПЛ!) отводят заметное место в начальной русской истории. Вероятно, в глазах новгородцев той поры, когда создавался основной известный нам массив БГ, меряне уже столь прочно ассоциировались с суздальцами, что их реальная этническая принадлежность была неактуальна.

Антропонимы

Германские и балтийские:

Азьгутъ (№ 526, серед. XI в.). Имя скандинавского происхождения, ср. имена *Asgautr, Asgotr, Asgøtr*, встречающиеся в рунических надписях [ДНД, 226].

Вальтырь (№ 881, 1120–1140 гг.). Имя является адаптированной формой нем. *Walter* [НГБ, XI, 83].

Домант (№ 161, 1410–1420 гг.). Балтийское имя (то же, что *Довмонт*) [ДНД, 560].

Оливоръ (№ 221, 1240–1260 гг.). Известно др.-сканд. *Hallvarðr*, руническое *ALVARÐ*.

Омант (№ 154, 1420–1430 гг.). Имя балтийского происхождения [ДНД, 564].

Рюря (№ 804, 1180–1200 гг.). Является уменьшительной формой от *Рюрик* (из сканд., ср. др.-исл. *Hróðrekr*) [НГБ, XI, 33]. Ср. также дат. *Hrørekr*, швед. *Rørek*. Форма *Рюря*, конечно, возникла уже на русской почве.

Стень (№ 249, 1396 г.). Имя явно скандинавского происхождения, ср. швед. *Stein*.

Юбль (№ 129, ок. 1410 г.). Может быть, немецкое имя (*Hübel?*) [ДНД, 546]. Ср. нем. *himpeln* ‘ковблять’.

Якунь (№ 676, 1160–1180 гг.; № 257, 1380–1400 гг.). Ср. также **Якуновья** (№ 263, 1360–1380 гг.: *от Якуновьи от Фомине снохы* — явно сноха персонажа грамоты № 257, так как грамоты найдены на одной усадьбе). Возможно, данное имя присутствует и во фрагменте грамоты № 434 (1100–1120 гг.), прочтенном как *от Жирят(ы) Яко[у](новица)* (персонаж сопоставлен с летописным Жирятой Якуновичем, погибшим в битве с суздальцами при Ждановой горе в 1135 г.)

[НГБ, VII, 38]⁴. Имя восходит к др.-сканд. *Hákon* [ДНД, 320]. Заметим, что имя *Якун* рано вошло в русский именослов (см. комментарии в заключении)⁵.

Прибалтийско-финские и саамские⁶

Антропонимы этого типа отмечены в 32 грамотах (в их число не входят грамоты, содержащие отантропонимические ойконимы прибалтийско-финского происхождения). В 8 из них прибалтийско-финские и саамские имена встречаются неоднократно — до 5–7 имен (все эти грамоты относятся к юго-западной или юго-восточной Карелии, одна, возможно, — к Водской земле); трижды в разных грамотах отмечены упоминания одного и того же лица (*Негль*), отца и сына (*Гюлопаи*) или одинакового имени (*Игала*). Нами предложены этимологии для 31 имени — достаточно, по нашему мнению, надежные либо предположительные, оставляющие место для дискуссии. К «прямым» личным именованиям мы добавили несколько имен, восстановленных на основе отыменных ойконимов (даются под знаком *).

Прежде чем приступить к изложению конкретного материала, отметим следующее. Во многих случаях мы сталкиваемся с непростым вопросом оформления прибалтийско-финской именной основы йотовым суффиксом (см. ниже *Алюй*, *Вигуй*, *Гымуй*, *Гювий*, *Лейнуй*, *Мекуй*, *Мундуй*, *Никуй*, *Нустуй*, *Селькуй*, *Селюй*, *Сидуй*, *Симуй*, *Совкой*, *Тадуй*, *Тушуй*). По этому поводу Е. А. Хелимский отмечает: «В берестяных грамотах, как и в других письменных памятниках древнего Новгорода, широко представлены личные имена прибалтийско-фин. происхождения на *-уй* <...>. Мы предполагаем, что их источником явились многочисленные прибалтийско-фин. имена и особенно гипокористические дериваты на *-и*, *-о* <...>. Субституция *-уй* на месте ауслатного *-и* (реже *-о*) характерна и для ранних русских апеллятивных заимствований из прибалтийско-фин. языков, ср. *елуй*, *ёлуй* ‘помост для сушки рыбы’ из фин. *jolu*⁷, *холуй* ‘сор, нанос от разлива’ из фин. *kalu* и др. Особенно широкому распространению этой субституционной модели в антропонимах бесспорно способствовало наличие собственно русского суффикса *-уй*, имеющего, в частности, гипокористическое значение» [Хелимский, 2000, 344]. Несколько иначе

⁴ В [ДНД] дается иное чтение.

⁵ См. также специальную работу о скандинавских именах берестяных грамот [Sitzmann, 2007]. Скандинавское (или германское) происхождение приписывалось и ряду других имен БГ, ниже атрибутируемых как прибалтийско-финские (напр. *Мунданахть*, *Тукъ*). За редкими исключениями эти сопоставления неудачны [см.: Шилов, 2002а, 150–152].

⁶ В данной части мы не разграничиваем личные имена и прозвища. Авторы имеющихся этимологий упоминаются без ссылок на конкретные работы, если последние указаны у Е. А. Хелимского [2000].

⁷ Рус. диал. *елуй* ‘вкопанные в землю столбы с поперечными жердями, предназначенные для сушения рыбы и просушки рыболовных сетей’ может восходить не к фин. *jolu* ‘длинная жердь’, а к саам. *jiel'le* ‘стойка для сушки рыбы’ [МСФУЗС, 113].

данный суффикс трактуется в [МСФУЗС, 61] (в связи с термином *варуй* 'пригорок, холмик' < саам. *varre* или карел. *vuari, vaaru* 'гора'): «финаль лексемы оформлена в русском языке по мужскому роду на согласный (-й), что вообще характерно для морфологической адаптации заимствований Примезенья». А. К. Матвеев, рассматривая заимствование *наракуй* 'наст' (< ненец. *narakko*), пишет: «Так как заимствования крайне редко усваиваются русским языком в формах среднего рода, ненецкое слово с финалью -о приобретает в русском языке окончание мужского рода на согласный. При этом исход заимствования осмысливается как широко распространенный в севернорусских диалектных лексемах и ономастике суффикс -уй. Ср. *матуй, неблюй*» [Матвеев, 1996, 232–233]⁸.

Относительно ономастических фактов спорить с вышесказанным не приходится (см. ниже), однако с апеллятивами, на наш взгляд, складывается более сложная ситуация. Дело в том, что заимствованных апеллятивов с йотовой финалью, возникшей на русской почве, в поле нашего зрения входит пока немного: *елуй, холуй, неблюй, наракуй, вергой, варуй*. Столь же немногочисленны те апеллятивы, у которых подобная финаль (-oi) имела уже в языке-источнике (ливвиковский, людиковский, вепский): *пирой* [Шилов, 2003, 91–92], *арбуй, лембой ~ лембуй, ушкуй* [Мызников, 2004, 51, 54–55, 144]⁹. Поэтому позволим себе не согласиться с тезисом о давлении русской апеллятивной модели на -уй (в крайней скудности данного класса исконно русских существительных легко убедиться, обратившись к [ОСРЯ, 266–267]) на оформление заимствованных личных имен.

Весьма показательны соответствующие данные ономастики. В Карелии, в Вепском Межозерье и на Русском Севере многочисленны гидронимы с прибалтийско-финским детерминантом -*oja* 'ручей, речка'. При русском освоении этот детерминант во множестве случаев передается финалью -уй, -уя [Муллонен, 1995; Матвеев, 2001, 256–261]. Еще более показательны данные антропонимии. В прибалтийско-финских языках (прежде всего восточных) чрезвычайно активен антропонимический суффикс -oi. Он оформляет как исконные, так и заимствованные (например, из русского языка) именные основы [Nissilä, 1975, 210; Лескинен, 1989; Муллонен, 1994, 87–101]. В русском же освоении этот суффикс регулярно, гораздо более последовательно, чем в гидронимии на -*oja*, передавался через -уй, о чем свидетельствуют писцовые книги и актовые материа-

⁸ А. К. Матвеев принимает (с ссылкой на А. Подвысоцкого, М. Фасмера, К. Реден) мнение о заимствовании *неблюй* 'еще не родившийся олененок; олененок 3–4 месяцев; шкура такого олененка' из ненец. *няблюй* [Матвеев, 1996, 235]. Однако Е. А. Хелимский аргументированно показал, что первичным для русского (откуда слово и перешло в ненецкие говоры) является саамское обозначение новорожденного олененка, близкое к саам. Луле *njåblō* [Хелимский, 2000, 213–215], т. е. *j*-финаль появилась уже на русской почве.

⁹ Отметим, что в указанных языках суффикс -oi вообще малоактивен в апеллятивном словообразовании, в отличие от антропонимического.

лы по Водской и Обонежской пятинам, северу Карелии и Кольскому полуострову [Попов, 1981, 96; 1993, 55; Шилов, 2008, 10, *сн. 11*]. Соответствующий материал огромен, поэтому далее мы ограничимся посильной иллюстрацией (дана после знака //) лишь тех данных, которые приведены И. И. Муллонен для вепсской антропнимии (имена как вепсского, так и русского происхождения) [Муллонен, 1994, 87–91, 99–101].

**Hüb'joi* < *hüb* 'сова, филин' // Ср. карел. *hüürie* и фамилию *Хууев* (Умба, 1580 г.) [АСМ, 2, 146].

**Kokoi* < *kokko* 'орел' // Фамилия *Кокуев* фиксируется от Карелии до Кольского полуострова [ПКОП, 156; АСМ, 2, 66].

**Rahkoi* < *rahkoi* 'мифическое существо' // Имя силача *Рахкой* часто встречается в преданиях о Рахте Рагнозерском [Криничная, 1991, 100, 104], ср. также *Рахкуйлов наволок* на Водлозере, *Рахкуева гора* в Вытегорском погосте [ПКОП, 175, 210].

**Reboi* < *reboi* 'лиса' // В Карелии частотна фамилия *Ребуев* и топонимы типа *Ребуев остров*, *Ребуево*, *Ребуевская* [ПКОП, 106, 155, 190, 191, 207, 210]. Имя же *Ренуй*, отмеченное А. И. Поповым в 1-й части Писцовой книги Водской пятины 1500 г. [Попов, 1981, 96], следует связывать с вод. *gero* 'лиса'.

**Kakoi* < *kak* 'ком, катушка, хлебец и др.' // Ср. антропоним *Какуев*, известный в Водской земле [Попов, 1981, 96].

**Korvoi* < *korv* 'ухо' // Ср. антропоним *Корвуев* [ПКОП, 186].

Taroi < *Taras* // Ср. *Таруево* в Веницком погосте на Ояти, а также *Таруевская* на Оште [ПКОП, 33, 226] и *Таруев* в Водской земле [Попов, 1981, 96].

Levoi (< *Леонтий*) // Ср. название деревни *Левуевская* [ПКОП, 226].

Timoï < *Тёма* (*Артемий*), *Тимофей* // Ср. *Тимуевы* в Водской земле [Попов, 1981, 96].

Mikoi < *Мика*, *Михаил* // Ср. *Микуев*, *Микуевский починок* [ПКОП, 98, 190], *Микуй*, *Микуев* и *Миккуевы* в Водской земле [Попов, 1981, 96]; ниже см. также *Мика*.

Причина достаточно регулярной передачи прибалтийско-финского *-oi*, *-oja* русским *-уй* (не *-ой*) пока неясна. А. К. Матвеев, говоря о тенденции к более закрытой артикуляции гласного, не берется решать, в языке-источнике или в русском языке развилось это явление [Матвеев, 2001, 258–259]. Можно лишь предполагать, что в прибалтийско-финских оригиналах *o* в безударной позиции звучал как [oʲ], что и провоцировало указанную передачу.

Так или иначе нам представляется, что в БГ многие личные имена прибалтийско-финского (иногда и саамского) происхождения изначально содержали йотовую финаль, характерную для древних водских, вепсских и карельских имен, а не приобретали ее на русской почве. Иными словами, имя *Алюй* произошло не из *Alo*, но из **Aloi*, *Симуй* не из *Simo*, но из **Simoï*, *Тадуй* не из *Tatu*, но из **Tatoï* (**Tadoï*) и т. д.

Ава или **Ави** (у Сидуя у Авиници: № 278, 1360–1380 гг.). Известны прибалтийско-финские имена *Auva, Auvi, Avo, Avi* < ст.-фин. *auvo* ‘радость’ [Хелимский, 2000, 334].

Алюй (оу Алюевиць: № 138, 1300–1320 гг.). Ср. ливск., эст. *Alo* (< герм. *Alo, Allo*) и патроним *Алюев* в Водской пятине (1500 г.) [Хелимский, 2000, 344]. Ср. также приб.-фин. *alli* ‘утка-морянка’.

Ваивас (№ 130, 1360–1380 гг.). Из фин. *vaiva* ‘труд, мучение, хлопоты’ (Halthoer) [Хелимский, 2000, 345]. Ср. также *vaiva(i)s-* в *vaivaiskoivu* ‘карликовая береза’, *vaiva(i)stalo* ‘убогий дом, богадельня’, *vaivasuus* ‘убожество’.

Валит (№ 130, 1360–1380 гг.). В летописях и иных документах неоднократно встречается карельское имя *Валит (Valittu)*, ср. карел. *vallita* ‘господствовать, властвовать’, фин. *valittu* ‘выбранный, избранник’ (Haavio, Halthoer) [Хелимский, 2000, 345].

Варма (оу Вармина сына: № 249, 1396 г.). Известно женское финское имя *Varma* < *varma* ‘надежный, верный’ (Halthoer) [Хелимский, 2000, 345].

Ваякша (*Ваивас Ваякиин*: № 130, 1360–1380 гг.). Ср. эст. *vaikse* ‘тихий’. С учетом семантики имени сына Ваякши (см. *Вайвас*) заслуживает внимания также приб.-фин. *vaja(a)* ‘неполный, недостаточный; бедный’ и его производные типа *vajaus* (основа *vajaukse-*) ‘недостаток, убыток, нужда, лишения’ [SKES, 1605–1607].

Въльют (№ 2, 1360–1380 гг.). Из приб.-фин. *vilja* ‘хлеб, жито’ с типичным антропонимическим суффиксом *-t(t)u* (Mägiste; Попов; Хелимский) или *velj-* ‘брат’ с деминутивным суффиксом *-ut*: ср. карел. *vell'ut* ‘братец’ (Беляков; Хямляйнен) [Хелимский, 2000, 245–246; см. также: Шилов, 2002а, 151–152; Saarikivi, 2007, 215].

Въльязказ (№ 2, 1360–1380 гг.). Известны эстонские (XV–XVI вв.) имена *Willekasse, Willikas*, содержащие основу *vilja* ‘жито; хлеб’ с суффиксом продуктивности: фин. *-kas*, вепс. *-kaz*; ср. фин., эст. *viljakas* ‘плодородный, обильный’ (Mägiste; Попов) [Хелимский, 2000, 346]. Грамота № 2 приурочена к Водлозеру в Восточной Карелии, потому наиболее уместно сравнение с ливв. *vil'lakas*, вепс. *vil'akaz* ‘хлебородный, урожайный’.

Вигала ~ Вигаль (у Вигали: № 260, 1360–1380 гг.). В 1535 г. в Михайловском погосте Шелонской пятинны зафиксировано имя *Федко Власов* (сын) *Выгал* [Тупиков, 2004, 99]. Согласно Е. А. Хелимскому, *Выгал*, как и *Вигарь* (см. ниже), происходит от *viha* ‘гнев, злоба’ [Хелимский, 2000, 345]. Некоторая сложность такой трактовки состоит в том, что суффикс *-la*, вообще говоря, не характерен для прибалтийско-финской антропонимии¹⁰, в отличие от апеллятивной сферы

¹⁰Е. А. Хелимский с ссылкой на А. Форсмана указал на параллельное функционирование в древней прибалтийско-финской антропонимии суффиксов *-ri* и *-li, -la*, но вынужден был ограничиться случаями *Toivari ~ Toivali, Ihari ~ Ilali, Ihala*.

(откуда он, конечно, может попадать в антропонимию в составе цельнолексемных образований) [Хакулинен, 1953, 110–112]. Я. Саарикиви предполагает, что антропонимический суффикс *-la* мог быть заимствован в финский онимикон из древнерусского, ср. *Братила, Гостила, Добрила, Твердила* и др. [Saarikivi, 2007, 213]. Нам же представляется, что более вероятно образование гипокористик от прибалтийско-финских апеллятивов (или антропонимов), содержащих высокопродуктивный суффикс *-lainen* [Хакулинен, 1953, 137–138]. В нашем случае это значит, что *Вигала* происходит не от *viha* ‘гнев, злоба’, а от *viholainen* ‘крапива; муравей’ (фамилия *Viholainen* частотна в Финляндии).

Вигарь (№ 130, 1360–1380 гг.). Известно древнефинское имя *Vihari* от основы *viha* ‘гнев, злоба’ или *viha-* (в *vihanta, viherä*) ‘зеленый, цветущий’ [Хелимский, 2000, 345].

Вигуи (№ 25, 1400–1410 гг.). Возможно, в имени присутствует та же основа, что и в *Вигала, Вигарь* (см.). Ср. также саам. кильд. *viigg* ‘большой, сильный’.

Вихтимас (№ 2, 1360–1380 гг.). Известны ливские и эстонские имена *Vichtymys, Vichtemas*, а также финские с основой *Viht-* [см.: Saarikivi, 2006, 138–139¹¹]. Эта основа может восходить к приб.-фин. *vihta* ‘банный веник’ (Попов) или к фин. *vihtyä*, карел. *vihtyö*, вепс. *vihtutõda* ‘чувствовать себя хорошо, успокаиваться’ [Хелимский, 2000, 345] (*-mus, -mys* — суффикс отглагольных существительных; впрочем, второй компонент сложных имен сравнивался и с приб.-фин. *mies, mees* ‘мужчина’ [Saarikivi, 2007, 214]).

Воземут (№ 2, 1360–1380 гг.). Из приб.-фин. **vasem* (фин. *vasen*, карел. *vazen*) ‘левый’ с деминутивным суффиксом *-ut*: карел. *vazemut* ‘левенький’ (Беляков) [Хелимский, 2000, 345]. Ранее нами была предложена трактовка ‘левша’ [Шилов, 2002а, 151–152].

***Вы(й)мо** (оу *вымолчовъ*: № 248/249, 1396 г.). *Вымольцы* — жители селения Кирьяжского погоста Водской пятины, в русских документах известного как *Вымольский наволок* (1500 г.), *Вымола* (1571 г.), в шведских — как *Wijmola* (1590 г.), *Vimol Niemi* (1629 г.). Суффикс *-la* (*-la*) достаточно определенно указывает на отыменное происхождение ойконима, а именно — от личного имени *Viimo*, ср. фин. *viimo, viime* ‘крайний, последний в роду, последыш (среди детей)’. В Северо-Западном Приладожье в XVI–XVII вв. известны фамилии *Wijmoin, Wimoin, Wijmun* [Шилов, 2008, 135–137].

Гымуй (у *Гымуева брата*: № 403, 1360–1380 гг.). Известны прибалтийско-финские имена *Hima, Himo, Himoï*; ср. фин. *himo* ‘жажда, вождение’ (Елисеев) [Хелимский, 2000, 346]. В Писцовой книге Обонежской пятины 1563 г. названы *Гимоевы* [Попов, 1993, 55], в верховьях р. Суна издавна (по меньшей мере

¹¹ Монография Я. Саарикиви не имеет сплошной пагинации. Она состоит из введения и 5 статей, внутри которых имеется своя пагинация. Поэтому в ссылках на эту работу мы указываем страницы данной статьи.

с 1587 г.) существует поселок *Гимолы*. Гипотезу Я. Саарикиви о связи имени с фин. *huita* ‘дикий, отчаянный’ (откуда имена *Hiuma*, *Uima*) [Saarikivi, 2007, 217] следует отклонить: не прибалтийско-финское *ui* передавалось русским *ы*, а русское *ы* субституировалось финским *ui* [Mullonen, 2007, 164–165]. О русском *ы* как рефлексе прибалт.-фин. *i* см.: [Матвеев, 2001, 136–140].

Гювий (*Гювиев сын*: № 249, 1396 г.). Засвидетельствованы прибалтийско-финские имена *Hüvä*, *Hüviä*, *Hüvö* < *hüvä* ‘хороший’ (Попов) [Хелимский, 2000, 346]. Ср. фамилию одного из героев повести М. Лассила «За спичками» — *Хювяринен*.

Гюлопай (№ 729, 1160–1180 гг.). Типичное прибалтийско-финское двухосновное имя, которое могло означать ‘тюленья голова’ (*hylje pää*) или ‘дурацкая голова’ (*hullu pää*) [Шилов, 2002а, 146]. Позднее на том же раскопе была найдена грамота № 926 (1-я четв. XIII в.), содержащая обращение *гюлопиницу* [НГБ, 2002]. *Гюлопинич* — явно потомок (сын?) *Гюлопая*. Сопоставление с финскими и карельскими именами *Holappa*, *Holorainen* < *holappa* < рус. *холопь* [Saarikivi, 2007, 232–233] следует отклонить.

Игала (№ 249, 1396 г.; *Игалин брат*: № 278, 1360–1380 гг.). Известно прибалтийско-финское имя *Ihala* < *iha* ‘довольный; влечение, желание’ (Попов) [Хелимский, 2000, 346]. Главный герой уже упомянутой повести «За спичками» носит фамилию *Ихалайнен*.

Иголаидь (*Иголаидовая*: № 278, 1360–1380 гг.). Возможно, это двухосновное имя, восходящее к прибалт.-фин. *iha* ‘прекрасный’ и *laita* ‘край, опушка; сторона’. С другой стороны, в финских и карельских именах частотен элемент *Laiti*, имеющий германские истоки [Saarikivi, 2007, 219].

Икагала (№ 278, 1360–1380 гг.). Известно древнефинское имя *Ikähalo*, связываемое с *ikä* ‘возраст, жизнь’ и *halu* ‘желание’ (Halther) [Хелимский, 2000, 346].

***Имоволод** (*Имвъзложъ*: № 573, 1160–1180 гг.; *имоволожане*: № 844, 885, 1140–1160 гг.) [НГБ, XI, 59, 85]. Топоним *Имоволоже* (или *Имоволожь*) присутствует также в рукописи рубежа XI–XII вв. («Ильина Книга»): начиная с 1268 г. он соответствует *Имоволожскому погосту* [НГБ, XI, 85–86; Крысько, 2006, 222] (ныне это поселение скрыто под водами Вышневолоцкого водохранилища). Опираясь на указанные данные, В. Б. Крысько обоснованно реконструировал имя **Имоволод*. Внешне оно схоже с рядом имен славянского (*Всеволод*) и скандинавского (*Рогволод*) происхождения, но первый его компонент на соответствующей почве необъясним. Поэтому В. Б. Крысько предположил, что **Имоволод* — заимствованная или адаптированная форма прибалтийско-финского имени *Himavalta* со значением ‘властолюбивый’, ср. фин. *himo* ‘(страстное) желание’ и *valta* ‘власть, сила’ [Крысько, 2006, 231]. Хотя это имя, насколько нам известно, письменными источниками не зафиксировано, оба его компонента активны в прибалтийско-финской антропонимии (см. выше *Гымуй*, а также [Saarikivi, 2006, 145–146]). В целом соглашаясь с такой реконструкцией, Я. Саарикиви замечает,

что подобная рефлексация приб.-фин. *h*- нетипична (в личных именах наблюдается *z*-, реже *x*-), поэтому полагает в качестве источника имени *Имоволод* какой-то особый язык финского типа [Saarikivi, 2007, 210–211]. Думается, в этом нет никакой необходимости. Указанное явление (*h*- → ∅) наблюдается как в апеллятивных [Мызников, 2004, 353], так и в топонимических заимствованиях из прибалтийско-финских языков [Муллонен, 1994, 93, 95] (к примерам *Имолово* (р. Паша) < **Himal*, *Имоченицы* (р. Оять) < **Himačal*, приводимым И. И. Муллонен¹², можно добавить *Им(м)алицы* на Олонце). С. А. Мызников определенно расценивает данное явление как одну из особенностей освоения русскими говорами неисконных слов [Мызников, 2004, 356].

Кавкагала (№ 249, 1396 г.). Имя трактуется как сложение фин. *kauko*- ‘дальний, далекий’ и *halu* ‘желание’ (Halthoer). Элемент *Kauka*, *Kauku* широко распространен в прибалтийско-финской антропонимии [Хелимский, 2000, 346].

Кърга (Ст. Р. № 20, 1140–1160 гг.). Видимо, отражает хорошо известное прибалтийско-финское имя *Kurga* < *kurgi*, *kurg* ‘журавль’ (подробнее см.: [Шилов, 2002а, 146–147]; здесь же критика русской версии, предложенной в: [ДНД, 278–279]). Начиная с работ Я. Калимы, в исследованиях неоднократно указывалось, что передача приб.-фин. *i* в виде *ъ* (а после прояснения ударного редуцированного — в виде *о*) типична для наиболее древнего слоя прибалтийско-финских заимствований в русском языке.

Кулба (№ 161, 1410–1420 гг.). Трактовка имени на русской почве отсутствует; предположительно можно сопоставить с фин. *kuhpa* ‘чаша, миска’, карел. *kuhpi* ‘щель’, *kuhpo* ‘деревянный чурбак, рогулька’.

Курь (№ 690, 1360–1380 гг.); **Курила** (№ 373, 1410–1420 гг.). Я. Саарикиви считает имена *Курь* и *Коурила* финскими. На наш взгляд, имя *Курь* грамоты № 690 скорее является русским (многочисленные аналоги см.: [Тупиков, 2004, 219–220]). Сложнее вопрос с именем *Коурила* грамоты № 373. С одной стороны, оно может являться вариантом широко распространенного имени *Чурило* [Там же, 432–433], с другой — данное написание практически полностью совпадает с саам. *Kouril* (из рус. *Гаврила*) [Зайков, 1981]. Но нерусская именная основа *Kur*- (ср. прибалтийско-финские имена *Kuroi*, *Kuronen*) явно наличествует в ойкониме *Куурола*, называющем один из родовых центров знаменитых «пяти родов карельских детей» в Кирьяжском погосте (Северо-Западное Приладожье). Этот ойконим присутствует в грамотах № 130 и 278 (1360–1380 гг.). Финская основа связывается с *kura* ‘грязь’ или **kura* ‘левша’ [Saarikivi, 2007, 229–230].

***Кучко** (*Кучковъ*: № 723, 1160–1180 гг.). *Кучково*, согласно свидетельству Ипатьевской летописи под 1176 г. [ПСРЛ, 2, стлб. 600], было альтернативным

¹²На них, кстати, ссылается В. Б. Крысько.

¹³Точнее, *Кучково* являлось крупным селом местного феодала, а Москва представляла собой небольшую крепость, возведенную князем Юрием на стрелке Москвы-реки и Неглинной.

названием Москвы на раннем этапе существования города¹³. Его топонимическим наследием было *Кучково поле* в районе Лубянской площади, упоминаемое летописями под 1379, 1394 и 1488 гг. Владельцем Кучкова был, естественно, некто *Кучко*. Это личность историческая, ибо летописям известны его сын Яким Кучкович и зять Петр Кучков — участники убийства Андрея Боголюбского (1174 г.) [ПСРЛ, 1, л. 124 об; 39, л. 100]¹⁴. Имя *Кучко* (не *Кучка*, как пишут некоторые авторы!) на русской почве объяснения не находит. В. Н. Топоров сравнивал его с прусскими топонимами *Kuczke, Kuczithen*, именем *Kutcze*, лит. *Kucaitis* без указания соответствующих апеллятивов [Топоров, 1972, 275]. Мы же, имея в виду возможное мерянское происхождение владельца Кучкова, обратим внимание на мар. *kiškys* ‘орел’, *kütšuk* ‘короткий’ [Raasonen, 1948, 54, 58], семантика которых типична для личных имен.

Кюпанок (№ 218, 1240–1260 гг.). Возможно, это *nomina regionalia*, включающее фин. *kyppö* ‘penis’, ср. топонимы Северо-Западного Приладожья *Kyppöniemi, Kyppömäk* [Nissilä, 1975, 45] (об активности терминов с данной семантикой в прибалтийско-финской топонимии см.: [Шилов, 1999а, 74]). Вторая часть имени в этом случае может восходить к карел. *nokka, n'ok(ke)* ‘нос, клюв; мыс’. Учитывая первое значение этого слова, можно полагать, что имя **Kyppänokka* отражает внешность его владельца. Впрочем, в [ДНД] предлагается чтение *Жюпанок*. В этом случае имя не является прибалтийско-финским.

Кюрик (*Кюрик Тюлпин*: № 138, 1300–1320 гг.; Пск. № 6, 1260–1280 гг.). Для имени предложено сопоставление с эст. *küirik* ‘горбатый’ [Хелимский, 2000, 346–347]. Однако, учитывая этимологию имени отца персонажа грамоты № 138 (см. ниже *Тюла*), а также распространенный в древности обычай давать членам семьи имена, относящиеся к одному семантическому полю (см. выше *Vaivas Vajakšinn*), можно обратить внимание на фин., карел., вод. *kurikka*, ливв. *kurikku*, люд., вепс., эст. *kurik* ‘(деревянная) дубина’, в переносном значении ‘большая голова, башка’, в антропонимах (*Kurikka, Kurik, Kurikku*) ‘пустоголовый’ [SKES, 244; Nissilä, 1975, 152; Муллонен, 1994, 95].

Ладонга (№ 141, 1280–1300 гг.). При явно нерусском облике имени этимологию для него предложить трудно. На прибалтийско-финской почве компонент *Ладон-* можно сопоставить с *latu, ladu* ‘лыжня’ и многими другими лексемами. Компонент же *-нга* (искаженный при написании грамоты?) заманчиво сопоставить с частотными в древних прибалтийско-финских именах *poika, poiki, poiga, poig, poeg* ‘сын’. Впрочем, этот компонент может восходить и к приб.-фин. *pohja* ‘угол, край залива’, тогда имя — *nomina regionalia*. Не исключено и саамское происхождение антропонима, ср. саам. *ladd-* с целым рядом значений, в том числе — ‘финский’; ср. также саамские имена *Ladda(sh)* и *Puke* [KKLS, 1044, 1050].

¹⁴Сам *Кучко* прямо называется лишь в поздних и/или недостоверных документах [Карамзин, 1991, 310–311; Мачинский, 2003, 244].

Лѣинуи (№ 278, 1360–1380 гг.). Известно много имен на *Lein-*: все они связаны с фин. *leina* ‘горе, печаль’ [Хелимский, 2000, 347]. Зафиксировано также и саамское имя *Leain* [KKLS, 1045].

Лѣновихтъ (№ 44, 1360–1380 гг.). Можно предполагать, что это двухосновное имя, сопоставимое с фин. *leina*, *leino* ‘слабый, бессильный’ и *vihta* ‘веник (банный)’.

***Мѣкуи** (*Мѣкуеве*: № 2, 1360–1380 гг.). Допустимо сопоставление с приб.-фин. *täiki* ‘холм, гора’, но скорее — с *miekka* ‘меч’ (< герм.). Раньше название села читалось как *Ѣкуево* и связывалось с карел. *Jekku* < *Ефим* [Хелимский, 2000, 348] (к этой форме можно добавить саамское имя *Jekaja* и финское *Ikaja* [KKLS, 1041]). Я. Саарикиви не обратил внимания на старую форму и отдельно рассматривает имена *Мѣкуй* и *Ѣкуй*, одно из которых, таким образом, оказывается фантомом [Saarikivi, 2007, 229, 231].

Мели ~ **Мела** (*Ѣвану Мѣлицю*: № 534, 1380–1400 гг.). Известно древнефинское имя *Mieli* < *mieli* ‘душа, чувство, ум’ [Хелимский, 2000, 347], саам. *Miella* [Itkonen, 1962, 368–381].

Мѣлит (№ 130, 1360–1380 гг.). Ср. личное имя *Mielitty* < фин. *mielitty* ‘любимый’ (Наавио) [Хелимский, 2000, 347].

Мика (№ 2, 1360–1380 гг.). Антропоним фигурирует в грамоте в окружении прибалтийско-финских имен *Вихтимас*, *Вельют*, *Вельяказ*, *Воземут* (см. выше) и поэтому отождествимо с карел. *Miku*, фин. *Mikko* — гипокористическими соответствиями русских имен *Михаил*, *Микола*, *Мицифор* (Беляков) [Хелимский, 2000, 347]. Отметим и типичную для имен карельского происхождения форму *Микуй*, отразившуюся в именовании *Филипп Семенов сын Микуев* [АСМ, 1, 61].

Мѣстъка (*ко Мостоке*: № 776, 1140–1160 гг.). Имя (его носителем был лив) явно восходит к приб.-фин. *musta* ‘черный’ [НГБ, XI, 14].

Мунданахтъ (№ 403, 1360–1380 гг.). Грамота (в ней же *Гымуи*, см.) происходит из Кирьяжского погоста будущей Водской пятины. Имя, очевидно, является русификацией благожелательного прибалтийско-финского имени **Montanahkaa* ‘много мехов, шкурок’ (подробнее см.: [Шилов, 2002а, 151, сн. 3]; там же о германской версии Ю. С. Елисеева).

Мундуи (№ 249, 1396 г.). Засвидетельствовано прибалтийско-финское имя *Monto*, *Monta* (< др.-нем. *Munt*, др.-прус. *Munte*) [Хелимский, 2000, 347].

Муномел (№ 278, 1360–1380 гг.). Внешне антропоним схож с двухосновными прибалтийско-финскими и саамскими именами, но точная этимология для него вряд ли возможна. Ср. фин. *tuin-* ‘передний, первый’, *tuona* ‘еда, пища’, *tuna* ‘яйцо; penis’ и *melu* ‘шум’, *mielu* ‘душа’, *mela* ‘весло, лопатка, мешалка’. Известны также саамские имена *Maun* и *Melledt* [KKLS, 1046], *Miella* [Itkonen, 1962, 368–381].

Нѣгль (№ 821, 867, сер. XII в.). Имя либо передает приб.-фин. **Niegl-* (из *nielga*, вепс. *negl* ‘игла, хвоя’), либо образовано уже на русской почве из *негла*

‘лиственница’, заимствованного из прибалтийско-финского источника [Шилов, 1999а, 43–47; подробнее см.: Шилов, 2002а, 147–148; здесь же критика русской версии].

Никуи (№ 496, 1430–1440 гг.). Форма имени однозначно говорит о его прибалтийско-финских истоках, но конкретный источник неясен. Оно равным образом может восходить и к рус. *Николай* (ср. выше *Мика*), и к фин., карел. *nika* ‘сухая сосна’, *nikka* ‘икота’, *nikko* ‘небольшой лосось’.

Новзъ (*Новзълопинъ*: № 249, 1396 г.). Хорошо известны прибалтийско-финские имена *Nousia*, *Новзей* (в писцовой книге Водской пятины 1500 г.) из *nousta* ‘подняться’ [Хелимский, 2000, 347–348]. Ср. также *Иван Новзеев* (*Новзиев*) в Умбской волости на Кольском полуострове [АСМ, 1, 167, 221, 228]. Имя могло принадлежать и сааму (как в данном случае), и карелу.

Нустуи (№ 336, 1120–1140 гг.). Связано с прибалтийско-финской глагольной основой **nosta-* ‘поднимать, возвышать’ [Хелимский, 2000, 348].

Обокша (*оу Озькъ оу Объкъшь*: № 649/650, 1200–1220 гг.). Имя христианского происхождения (например, *Абакум*) в этом случае видеть невозможно: все известные на настоящее время двучленные именованья БГ содержат в качестве второго компонента либо прозвище, либо родовое имя (отчество, дедичество), но не христианское имя. В свое время мы предположили, что *Обокша* — пример *potina regionalia*, ср. *Обокша* — левый приток Северной Двины в ее низовьях [Шилов, 2002а, 149–150; 2005, 306]. Однако допустимо и сравнение с диал. (арх.) *обакуша* ‘малоподвижный человек, лежебока’ (см. *Обакуша* в новгородских землях в 1539 г. [Тупиков, 2004, 283]). Диалектизм может иметь прибалтийско-финское происхождение, ср. фин. *paksu*, карел. *pakši* ‘толстый’ [SKES, 471] (*pakšupii* ‘головастик’) [Шилов, 2009, 278].

Озка (*оу Озькъ оу Объкъшь*: № 649/650, 1200–1220 гг.). Ранее мы сопоставляли *Озка* с *Озарий* (*Азарий*), а также с угорскими антропонимами [Шилов, 2002а, 149–150]. Теперь нам видится более оправданным сопоставление с саамскими именами *Osk^{’E}*, *Osk*, *Oski* (*Оска* у Харузина, 1608 г.), *Uosk*, *Uoisk*, которые выводятся из *Оська* (*Осин*, *Иосиф*) или *Васька* [Зайков, 1981; KKLS, 1054] (в [Муллонен, 1994, 100] приводится вепс. *Os’ka* < *Оська*). С другой стороны, ср. саам. *woska* ‘окунь’ (с инновационным *v-*).

Ол(ь)ма (*от Олемова*: № 224, 1220–1240 гг.). Имя встречается уже в ПВЛ под 882 г. (*Ольмин двор* в Киеве) и имеет многочисленные интерпретации. В нашем случае заслуживает внимания саам. *olmai*, *olmaž* (ген. *olma*), *olma* ‘человек, мужчина’ (в конечном счете — ‘я, саам’) [KKLS, 11, 319], имеющее параллели в марийском (*ulma* ‘муж, мужчина’) и, возможно, в мерянском [Шилов, 2009, 281].

Оявелга (*оу [О]ъвъльге*; № 230, 1200–1220 гг.). Согласно мнению Е. А. Хелимского, это составной прибалтийско-финский антропоним, первый компонент которого сопоставим с *oja* ‘ручей’, второй — с *velho* ‘колдун, шаман’ [НГБ, X, 93].

Нам в этой трактовке кажется несколько странной семантика имени — ‘ручьевой колдун’. Возможно, имя представляет собой *nomina regionalia*, в котором первый компонент действительно отражает приоб.-фин. *oja*, а второй восходит к термину *вельга* ‘чистое, безлесное болото’¹⁵, известному в русских диалектах северо-запада Вологодской области и северо-востока Новгородской. Впрочем, допустимо и иное решение, ибо первая буква имени может быть прочтена не только как *О-*, но и как *С-*. Имя же **Сявелга* может быть истолковано как **Säävelho* ‘«погодный» колдун’, т. е. колдун, предсказывающий (или вызывающий) погоду (приоб.-фин. *sää* ‘погода’).

Питя (оу *Питина сына*: № 249, 1396 г.). Антропоним может быть сопоставлен с фин. *pitäjä* ‘владелец, обладатель’ или с карел. диал. *pitee* ‘змея’.

Пюхтя (оу *Пюхтино сына*: № 403, 1360–1380 гг.). Возможно сравнение имени с вепс. *pühüt* — уменьш. от *pü* ‘рябчик’ (не отсюда ли *пухта* ‘вид северной птицы’, указанное у Даля?), однако не исключена и связь с приоб.-фин. *puhdas* ‘чистый’. Во всяком случае, В. Ниссиля именно к этому слову возводит именование *Puhuttu, Iwann Puchdas Parida* «Иван Чистая Борода» (1640 г.), а также отыменной ойконим *Puhtula* (1595 г., округ Terijoki на Карельском перешейке) [Nissilä, 1975, 123, 140]. Наконец, известно финское имя *Puuyhtiä*, не имеющее, правда, надежного объяснения [Saarikivi, 2007, 225–226].

Рьмьша (№ 725, 1180–1200 гг.). Связано с фин., карел. *rimssu* ‘бахрома, лохмотья’ или карел. *remssu* ‘бездельник, праздношатающийся’ [Шилов, 2002а, 145]. О балтийской версии см.: [ДНД, 343–344].

Рокша / Рокышь (на *Рокыши*: № 789, 1075–1100 гг.). В издании говорится: «*Рокышь* — уникальное имя, по-видимому, родственное словам *рокопать, рокот, а также рокша* ‘сизоворонка’ (птица)» [НГБ, XI, 22–23]. Мы же отметим обилие топонимов (названий рек и заболоченных низин) с основами *Рокс-*, *Роки-* в Карелии (в основном — в Средней и Южной) и в Вепском Межозерье. Из апеллятивной лексики укажем саам. норв. *roakt šad* ‘ворчать, гудеть’, саам. кольск. *ruuksai* ‘рваный, ободранный’ и саам. кольск. *ropse*, саам. норв. *ruoksad* ‘красный’ > диал. *ruoksa* ‘бобренок’¹⁶.

Сел(ь)куи (оу *Селекоуевица*: № 138, 1300–1320 гг.). Е. А. Хелимский пишет, что, несмотря на вероятную прибалтийско-финскую принадлежность имени, не

¹⁵Мы полагаем, что источником рус. диал. *вельга* (а возможно, и приоб.-фин. **vielga*) могло являться саам. *vielgad* ‘белый’, ср. рус. *бель* ‘то же, что *вельга*’; район бытования русского диалектизма характеризуется высокой плотностью субстратной топонимии саамского типа.

¹⁶Иная («ландшафтная») трактовка соответствующих топонимов представлена в работе [Муллонен, Ляля, 2005, 94–95]. Нам «бобровая» их интерпретация представляется не менее обоснованной, так как места обитания бобров также привязаны к определенному типу ландшафта (вкуче с характером доминирующей растительности). Но, поскольку объектом рассмотрения является антропоним, термины ландшафта представляются менее актуальными, нежели те, что приведены нами.

удается сколько-нибудь точно определить фонетический облик источника [Хелимский, 2000, 344, *сн. б*]. Однако нам кажется, что в данном случае уверенно может быть восстановлено личное имя **Сел(ь)куй*, ср. *Овсейко Селкуев* и *Лутьяanko Селкуев* (р. Сума в Карельском Беломорье, 1582 г.) [АСМ, 2, 198]. Это имя явно восходит к приб.-фин. *selkä* ‘спина, хребет’. Менее вероятно, хотя полностью и не исключено, что антропоним является *nomina regionalia* от *selkä* ‘горный хребет, гряда; озерный плес; подсека’, ср. пос. *Сельги* в Центральной Карелии (известен с XVI в. как центр погоста) и именование *Василий Сидоров сын Селженин* [АСМ, 1, 241].

Селюи (№ 496, 1430–1440 гг.). Ср. антропоним *Селюга* [АСМ, 1, 48]. Возможно, в имени отражено карел. **Seloi* < *Селиван*, *Селиверст*, ср. также фин. *sielu* ‘душа’, *selja* ‘бузина’.

Сидуи (№ 278, 1360–1380 гг.). Возможно, в грамоте представлено имя **Sidoi* < рус. *Сидор*, *Исидор*. См. ниже *Шидь*.

Симуи (№ 496, 1430–1440 гг.). Это имя можно поставить в один ряд с карел. *Simo*, *Simoi* < *Семен* или предположить, что оно является прозвищным, ср. приб.-фин. *siima* ‘леска’, *sieme* (-i, -u) ‘глоток; напиток’.

Совкои / Совкуи (оу *Съвъкъя*: № 223, 1200–1220 гг.). Нет оснований предполагать в основе рус. *совок*: это слово в русском языке зафиксировано лишь в XVII в., надежно – с XVIII в. Грамота входит в блок с № 219, 230, где встречаются топоним *Сясь*, имена *Тушуи* и *Оявелга* (см.). Рассматриваемое имя практически совпадает со старым финским именем *Saukoi* < *saukko* ‘выдра’ [SKES, 982]; его также можно сопоставить с фин., карел. *savakka* ‘шустрый, проворный’.

Тадуй (№ 141, 1280–1300 гг.). Ср. фин. *Tatu*, карел. *Tadu* < *Давид* [Хелимский, 2000, 348]. Не исключено и то, что это неканоническое прозвищное имя, связанное, например, с фин., карел. *tade* ‘навоз’.

Тотъ (у *Тотова*: № 863, 1120–1140 гг.). Имя не находит поддержки в славянской лексике. В качестве возможного прибалтийско-финского этимона допустимы фин. *totto* ‘труба, трубка’, *toti* ‘серьезный, правдивый’.

Тукъ (оу *Тукова*: № 907, 1100–1120 гг.). Издатели указывают, что имя *Тукъ* может являться просто прозвищем (‘сало, жир’), но не исключено и иноязычное его происхождение [НГБ, XI, 101]. Действительно, русский антропонимикон этого имени не знает, за исключением *Ильи Туковича*, урядника полоцкого архиепископа (ок. 1580 г.) [Тупиков, 2004, 791] (укажем и новгородские ойконимы *Туково* [НПК, IV, 273], *Туковский десяток* [НПК, II, 710]). Вместе с тем уже в ПВЛ под 1068 и 1078 гг. упоминается *Туки брат Чудин* (брат Микулы Чудина — управителя Вышгорода) [ПСРЛ, 1, 114, 132] (подробнее, с критикой скандинавской версии происхождения этого имени: [Шилов, 1996, 39]). В Северо-Западном Приладожье в XVII в. отмечены явно отыменные ойконимы *Tukiala*, *Tukianmäki* и имя (1551 г.) *Pitkätukka* «длинные волосы» (фин. *tukka* ‘волосы’) [Nissilä, 1975,

142, 151]. Таким образом, имя *Тукъ* в случае прибалтийско-финского происхождения могло означать ‘волосатый’. Приведем еще фин. *tukki* ‘бревно’, *tuki* ‘подпорка’, *tukko*, *tukku* ‘пучок, куча’.

Тушуи (оу *Тоушоуевичи*: № 219, 1200–1220 гг.). Форма имени (см. выше об именах на -уй) не позволяет сравнивать его с рус. *туша*. В то же время фонетически и семантически оправданным видится сопоставление с фин. *tussu* ‘нерасторопный, глупый человек’, вод. *tušši* ‘дряхлый старик’, эст. *tuss* ‘старый, слабый человек’. Ср. также вепсский отыменной ойконим *Tušla*.

Тюлна (оу *Кюрика оу Тюлпина*: № 138, 1300–1320 гг.). Прозвище связывается с прибалтийско-фин. *tülpä*, *tülp* ‘тупой’ [Хелимский, 2000, 348]. Видимо, из прибалтийско-финского источника было заимствовано рус. диал. (арх.) *тюльпа* ‘дурак’¹⁷, от которого могли быть образованы уже русские по происхождению имена, ср. *Иван Тюльпа* (Смоленск, 1597) [Тупиков, 2004, 407], *Алексей Тюльпа* (Пияльская волость на Онеге, 1518/1519 г.) [АСМ, 1, 32, 34]. Ср. еще именование *Фудри Тульбовъ* (договор Игоря с греками 944 г.), первый компонент которого также имеет приемлемую прибалтийско-финскую интерпретацию [Шилов, 1996, 42]. Сравнение с финскими именами *Tolppi*, *Tulppo* [Saarikivi, 2007, 237] представляется менее убедительным.

Уда (№ 124, 1400–1420 гг.). В [ДНД] указываются древнерусские имена *Уда*¹⁸ и северные ойконимы *Удино*. Если имя не восходит к *уда* ‘удочка’, оно может быть нерусским по происхождению. Я. Саарикиви приводит старые финские имена *Utunen*, *Utula*, *Utukka*, *Utupää*, *Udukais*, но признает, что апеллятивной поддержки они не имеют [Saarikivi, 2007, 227]. Имена с основой *Uma-*, *Уда-* встречаются и у саамов [Itkonen, 1962, 368–381]; ср. также *Уда* — пр. Нижнего Выга, *Удоев наволок* (из имени **Удой*)¹⁹ в Кижском погосте [ПКОП, 128], *Udd-jogk* на Кольском полуострове. Их можно предположительно сопоставить с саам. *ouDa*, *audt(a)* ‘передний, первый’ или *udd^a* ‘новый’ (ср. русские имена *Первой*, *Новик*).

Урока (№ 153, 1180–1200 гг.). Сравняется с *Ураков* [Тупиков, 798] — из диал. *урак* < фин. *urakka* ‘годовалый олень-самец’. Форма *Урока* может быть ранним отражением прибалтийско-финского оригинала [НГБ, X, 88–89].

***Шиди** / **Шидь** (*Шидовичи* в Бежецком Верхе, т. е. в верховьях Мологи: № 789, 1075–1200 гг.). В Деревской пятине отмечен антропоним *Оксенко Шидин* (1495 г.)

¹⁷П. И. Дилакторский приводит также сольвычегодское *тюльпак* ‘чурбан, толстый обрубок бревна’ (ср. с семантикой слова *болван*) и тотемское *тюльпес* ‘неуклюжий, неловкий’ [Дилакторский, 2006, 516].

¹⁸*Иван Андреевич Уда* в Москве (1401 г.), *Истома Удин* и *Дмитрий Удин* в Белоозере (XVII в.) [Тупиков, 2004, 409, 797].

¹⁹Это название сопоставлялось и со скандинавскими именами *Udde*, *Ud*, шведским *udde* ‘мыс’. Правда, позднее автор этого сравнения указал и карельские имена *Uto*, *Utoi*, саамское *Udto* [Агапитов, 1990; 2000, 54].

[Тупиков, 2004, 840], а также отыменные ойконимы *Шидово* и *Шидовица* [НПК, I, 94, 845]. Ср. карел. *sitta*, *šitta* ‘дерьмо, навоз; дурной человек’ [SKES, 1048] и приб.-фин. *hiisi* < **šiiti*, фин. *siitoa*, саам. *siida* ‘черт, леший, злой дух’. Ср. и явно нерусское имя **Сидъ* (патроним *Сидовы* в грамоте № 476 2-й пол. XIV в.).

Я. Саарикиви допускает финское происхождение отмеченных в БГ имен *Ладога*, *Винила*, *Кулотка*, *Гавъко*, *Хъмунъ*, что кажется нам сомнительным, а иногда и невозможным. Абсолютно неприемлемой представляется и трактовка гапакса *вытол* грамоты № 600 (1220–1240 гг.), предложенная Й. Лааксо, которая сравнивает *вытол* с фин. диал. **voitleja* (> эст. *võitleja*) ‘боец, драчун’ и с именем *Wottele* из хроники Генриха Латвийского [Laakso, 2005]. Текст грамоты отчетливо указывает не на имя, а на социальную сущность ее персонажа — «бродяга» (< *vetVIV* с заднерядным гласным *V*), как убедительно показано Е. А. Хелимским [2000, 339–341] (см. также комментарий: [Шилов, 2002а, 148–149])²⁰.

Статистика этнической принадлежности, точнее, происхождения личных имен БГ чрезвычайно красноречива. Из приблизительно 1 050 имен (но отнюдь не персонажей, ибо многие имена повторяются в БГ неоднократно), привлеченных нами к анализу, к неславянским можно отнести 73 (около 7 %). В их числе 2 балтийских, 2 немецких, 5 скандинавских и 64 (!) прибалтийско-финских и саамских (возможно, одно мерянское). Эти цифры сами по себе убедительно свидетельствуют о соотношении пришлого германского и местного финского элементов в политической и особенно хозяйственной истории древнего Новгорода (см. по этому поводу также: [Шилов, 1996, 32–49; 1999б]).

Примечательно, что среди «финских» личных имен БГ пока не обнаружено пермских или волжских по происхождению (единичные апелляции к соответствующим данным в случаях *Кучко* и *Олма* не меняют общую картину). Это соответствует географии БГ, представленной в работе [Шилов, 2005, 299–305]. Весьма показательным является присутствие в БГ саамских по происхождению антропонимов и квазиэтнонимов *вежники*, *шестники*, что, как нам кажется, еще раз свидетельствует о былом, причем достаточно позднем, проживании лопарей-саамов в новгородском регионе (а не только на территориях позднейшего — уже в московское время — русского освоения Средней и Северной Карелии). Об этом мы уже писали, опираясь на собственные топонимические изыскания и этноисторические выводы Д. В. Бубриха, А. Н. Кирпичникова и других исследователей [Шилов, 1996, 20–31].

Относительно этнической принадлежности персонажей БГ, носящих те или иные имена, однозначные количественные выводы делать вряд ли возможно. Так, из перечисленных 62 прибалтийско-финских и саамских имен к последним

²⁰Претензии Я. Саарикиви относительно несоответствия вокализма [Saarikivi, 2007, 238] безосновательны: он, видимо, оставил без внимания точную и последовательную аргументацию Е. А. Хелимского.

можно достаточно уверенно отнести 3 и предположительно (с прибалтийско-финской альтернативой) — 4 или 5. Саам (*лопинь*) *Новзеи* носит имя прибалтийско-финского происхождения (в документе 1563 г. на севере Карелии названы *лопляне* даже с русскими именами: *Поздейко* и *Ивашко Великая Голова* [СГКЭ, № 137]), а *Сменко корелинь* носит русское имя.

Еще более сложен случай с именем *Якун*. В комментариях к соответствующим грамотам (см. выше) оно однозначно трактуется как скандинавское по происхождению с ремаркой: «Это имя получило в Новгороде значительное распространение (многократно встречается в НПЛ)» [ДНД, 320]. Действительно, в Новгородской первой летописи упоминается целый ряд персонажей с этим именем²¹. Однако при ближайшем рассмотрении его скандинавское происхождение в ряде случаев может быть поставлено под сомнение. Дело в том, что в берестяных грамотах встречается имя *Якша*, которое потенциально может быть гипокористикой как от саамского *Якун*, так и от русских *Яков* или *Яким* [Гиппиус, 2004, 165]. В грамоте 1-й пол. XII в. (Ст. Р. № 36) имя *Якша* встречается в окружении многочисленных имен — исключительно древнерусских (языческих). Поэтому крайне маловероятно, чтобы оно восходило к христианскому *Яков* (или *Яким*). Следовательно, здесь мы можем обоснованно видеть гипокористику от языческого (скандинавского) *Якун*. Но адресата комплекса грамот с Троицкого раскопа (усадьба Е) 2-й четв. — сер. XII в. (№ 812, 821, 870, 885), также именуемого *Якшей*, А. А. Гиппиус уверенно связал с известным по летописям новгородским посадником Якуном Мирославовичем [Гиппиус, 2004], отметив, что с ним может быть отождествлен и староста *Якун* грамоты № 676 (см. выше). Казалось бы, вопрос выяснен: скандинавского происхождения имя *Якун* в какой-то период было популярно в новгородском ономастиконе. Однако А. А. Гиппиус указывает, что с тем же Якуном может быть отождествлен и адресат грамоты № 890 (происходящей из того же комплекса той же усадьбы Е) по имени *Яков*. При этом чуть раньше по тексту делается оговорка: «Сохранение “варяжского” имени *Якун* в древнерусском антропонимиконе скорее всего объясняется его соотносительностью с именем *Яков*» [Там же, 173]. По нашему же мнению, во многих случаях можно говорить не о скандинавском происхождении имени *Якун*, а о том, что оно само наряду с *Якша* являлось (в Новгороде, во всяком случае) гипокористикой от имени *Яков*. К этому приведем именованья предков посадника Якуна (Якши-Иакова?) Мирославовича — также новгородских посадников (посадником был и его сын Дмитрий Якунич): *Мирослав* (в БГ — *Мирошка*) *Горятинич*

²¹Это посадник *Якун Мирославич* (1137–1176 гг.), его сын посадник *Дмитр Якунич* (1211 г.), новгородцы *Якун Зубец* и *Якун Зуболомич* (одно и то же лицо?) (1215 г.), тысяцкий *Якун Намнежич* (1215–1219 гг.) и его сын *Христофор Якунович*, новгородец *Якун Моисеевич* (1228 г.), посадник *Сбыслав Якунович* (1229, 1240 гг.), тысяцкий *Фед Якунович* (1234 г.), новгородец *Якун* (1255 г.), посадник *Григорий Якунович* (1389 г.) [НПЛ].

(в крещении — *Иаков!*), *Гюрята Рогович* (информант Нестора-летописца о народах Северного Урала). Не странно ли, что «варяжское» имя вдруг всплыло в третьем (известном нам) поколении семьи, чьи представители доселе носили славянские имена?²² Тем больше у нас оснований утверждать, что более поздние фиксации имени *Якун* (в том числе и в грамоте № 257, см. выше) с варяжским наследием вряд ли связаны²³.

В заключение отметим, что большинство указанных имен являются изначально прибалтийско-финскими, но некоторые (*Негль, Обокша, Тюлна, Урока*) могли возникнуть уже в русском языке на основе заимствованных апеллятивов.

-
- Агапитов В. А.* Скандинавские черты в топонимии Заонежья // Европейский Север: история и современность. Петрозаводск, 1990. С. 117–118.
- Агапитов В. А.* Путешествие в древние Кижы. Петрозаводск, 2000.
- АСМ, 1 — Акты Соловецкого монастыря 1479–1571 гг. Л., 1988.
- АСМ, 2 — Акты Соловецкого монастыря 1572–1584 гг. Л., 1990.
- Гиппиус А. А.* О нескольких персонажах новгородских берестяных грамот XII века // НГБ. XI. 2004. С. 164–174.
- Дилакторский — Словарь областного вологодского наречия / По рукописи П. И. Дилакторского. СПб., 2006.
- ДНД — *Зализняк А. А.* Древненовгородский диалект. М., 1995.
- Зайков П. М.* Адаптация русских христианских имен в кольско-саамских диалектах // Прибалтийско-финское языкознание. Л., 1981. С. 55–61.
- Карамзин Н. М.* История государства Российского. Т. II–III. М., 1991.
- Криничная Н. А.* Предания Русского Севера. СПб., 1991.
- Крысько В. Б.* Еще раз об Имоволожи // Slavica Helsingiensia. 27. Helsinki, 2006. P. 222–233.
- Ларин Б. А.* Три иностранных источника по разговорной речи Московской Руси XVI–XVII веков. СПб., 2002.
- Лескинен В. Т.* Карелы // Системы личных имен у народов мира. М., 1989. С. 157–160.
- Матвеев А. К.* Материалы для словаря финно-угро-самодийских заимствований в говорах Русского Севера // Этимологические исследования. Вып. 6. Екатеринбург, 1996. С. 211–254.
- Матвеев А. К.* Субстратная топонимия Русского Севера. I. Екатеринбург, 2001.
- Мачинский Д. А.* Вновь открытые источники по истории Руси IX–XII вв. // Ладога: первая столица Руси. 1250 лет непрерывной жизни. (Седьмые чтения памяти Анны Мачинской. Старая Ладога, 21–23 декабря 2002 г.). СПб., 2003. С. 156–300.

²²А. А. Молчанов возводит род Гюрятиничей к выходцу из Скандинавии Регнвальду Ульвссону, двоюродному брату Ингигерд, жены Ярослава Мудрого, вместе с нею прибывшему на Русь и получившему (согласно скандинавским источникам; источники русские этого факта не знают) в управление Ладогу как «ярлство» [Молчанов, 1997, 80–84].

²³Имеются в виду следующие примеры: в Тобольской округе — *Якун(ь)ка Лук(ь)янов сынъ Плясовской* (1681 г.), в Зауралье же — *деревни Нижнего Яру Якунки Рышка сестра Анна* (1690 г.), *Якун Поволски(й)* (1635 г.) [Парфенова, 2002, 11, 16, 32], *Якунка Кузьмин* — крестьянин деревни Павловской Прилуцкой волости (XVI в.) [АСМ, 1, 127].

- Молчанов А. А.* Ярл Регнвальд Ульвссон и его потомки на Руси (о происхождении ладожско-новгородского посадничего рода Роговичей-Гюрятиничей) // Памятники старины: Концепции. Открытие. Версии. Памяти Василия Дмитриевича Белецкого. СПб.; Псков, 1997. С. 80–84.
- МСФУСЗ — Материалы для словаря финно-угро-самодийских заимствований в говорах Русского Севера. Вып. 1. Екатеринбург, 2004.
- Муллонен И. И.* Очерки вепсской топонимии. СПб., 1994.
- Муллонен И. И.* *Кивоя* и *Кивручей*: две адаптационные модели в топонимии Присвирья // Ономастика Карелии. Петрозаводск, 1995. С. 4–17.
- Муллонен И. И., Ляля Е. В.* Геоинформационная система «Топонимия Заонежья» // Вопр. ономастики. 2005. № 2. С. 86–96.
- Мызников С. А.* Лексика финно-угорского происхождения в русских говорах Северо-Запада. Этимологический и лингвогеографический анализ. СПб., 2004.
- НГБ, VII — *Арциховский А. В., Янин В. Л.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1962–1976 годов). М., 1978.
- НГБ, X — *Янин В. Л., Зализняк А. А.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1990–1996 годов). М., 2000.
- НГБ, XI — *Янин В. Л., Зализняк А. А., Гипциус А. А.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1997–2000 годов). М., 2004.
- НГБ, 2002 — *Зализняк А. А., Янин В. Л.* Берестяные грамоты из новгородских раскопок 2002 г. // Вопр. языкознания. 2003. № 4. С. 3–11.
- НПК — Новгородские писцовые книги. Т. I–VI. СПб., 1859–1910.
- НПЛ — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., 2000.
- Парфенова Н. И.* Русские фамилии конца XVI–XVIII вв. (по архивным источникам Зауралья): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2002.
- ОСРЯ — Обратный словарь русского языка. М., 1974.
- ПКОП — Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 гг. Л., 1930.
- Попов А. И.* Следы времен минувших. Из истории географических названий Ленинградской, Псковской и Новгородской областей. Л., 1981.
- Попов А. И.* Непочатый источник истории Карелии (карельская топонимика) // Родные сердцу имена (ономастика Карелии). Петрозаводск, 1993. С. 28–68.
- ПСРЛ — Полное собрание русских летописей. Т. 1–42. СПб.; Пг.; Л.; М., 1841–2003.
- СГКЭ — Сборник грамот коллегии экзотии. Т. 2. Л., 1929.
- ССРЛЯ — Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. М.; Л., 1948–1965.
- Топоров В. Н.* Baltica Подмосковья // Балто-славянский сборник. М., 1972. С. 217–280.
- Туников Н. М.* Словарь древнерусских личных собственных имен. М., 2004.
- Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. I–IV. СПб., 1996.
- Хакулинен Л.* Развитие и структура финского языка. Ч. 1. Фонетика и морфология. М., 1953.
- Хелимский Е. А.* Компаративистика, уралистика. М., 2000.
- Шаскольский И. П.* Новгородские владения на берегах Ботнического залива (XIII–XIV вв.) // Новгородский исторический сборник. Вып. 6 (16). СПб., 1997. С. 144–164.
- Шилов А. Л.* Чудские мотивы в древнерусской топонимии. М., 1996.
- Шилов А. Л.* Есть ли скандинавская топонимия в Карелии? (О топонимических свидетельствах в решении этноисторических проблем) // Вопр. языкознания. 1999а. № 3. С. 122–131.
- Шилов А. Л.* Заметки по исторической топонимике Русского Севера. М., 1999б.
- Шилов А. Л.* Из наблюдений над берестяными грамотами // Финно-угорское наследие в русском языке. Вып. 2. Екатеринбург, 2002а. С. 145–158.
- Шилов А. Л.* Размышления над статьей Й. Койвулехто о прибалтийско-финских этнонимах // Финно-угорское наследие в русском языке. Вып. 2. Екатеринбург, 2002б. С. 211–227.
- Шилов А. Л.* Некоторые вопросы интерпретации севернорусских диалектизмов // Этимологические исследования. Вып. 8. Екатеринбург, 2003. С. 87–93.

- Шилов А. Л.* Ономастика берестяных грамот // Лексический атлас русских народных говоров: Материалы и исследования. 2005. СПб., 2005. С. 298–325.
- Шилов А. Л.* Историко-географические комментарии к берестяным грамотам 248, 272 и 590 // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 22. Великий Новгород, 2008. С. 133–142.
- Шилов А. Л.* Несколько комментариев к первому выпуску нового «Русского этимологического словаря» // Рус. яз. в научном освещении. № 17. М., 2009. С. 277–288.
- Itkonen T. I.* Lappalaisia henkilönnimiä 1500- ja 1600-luvulta // Virittäjä, 1962. No. 4. P. 368–381.
- KKLS – *Itkonen T. I.* Koltan- ja kuolanlapin sanakirja. Osa 1, 2. Helsinki, 1948.
- Laakso J.* Der gefangene Kämpfer oder ein kleiner Nachtrag in den Nowgoroder Birkenrindenschriften // Veröffentlichungen der Societas Uralo-Altaica. 65. Wiesbaden, 2005. S. 219–225.
- Mullonen I.* Ancient place names of Obonež'e in the context of ethnic and linguistic contacts // Slavica Helsingiensia. 32. Helsinki, 2007. P. 163–175.
- Nissilä V.* Suomen karjalan nimistö. Joensuu, 1975.
- Paasonen H.* Ost-Tscheremissische Wörterbuch. Helsinki, 1948.
- Saarikivi J.* Substrata Uralica. Tartu, 2006. Article 3.
- Saarikivi J.* Finnic personal names on Novgorod birch bark documents // Slavica Helsingiensia. 32. Helsinki, 2007. P. 196–246.
- Sitzmann A.* Die skandinavischen Personennamen in den Birkenrindeninschriften // Scando-Slavica. 53. Copenhagen, 2007. P. 25–31.
- SKES — Suomen kielen etymologinen sanakirja. Osa 1–6. Helsinki, 1955–1978.